

Здравствуй, это я!

Леся Данич

Здравствуй, это я

<https://litres.ru/74246749>

SelfPub; 2026

Аннотация

На что вы готовы, чтобы вернуть самое дорогое, что было в вашей жизни? Узнать все самые тяжёлые семейные тайны? Заключить сделку с неизвестной силой? Разрушить мир? Или лучше сказать "нет" и "прощай"? История, начавшаяся как семейная драма, перерастает в глобальный конфликт, и спрятаться от самого важного решения для человечества не получится даже если ты ничем не примечательный человек, который хотел обычного тихого счастья.

Леся Данич

Здравствуй, это я

Глава 1

Глава 2

На кладбище собралось слишком много людей. Эвелин смотрела на женщин и мужчин, искренне не понимая, что им здесь нужно. Хотелось встать и прокричать им, чтоб убивались. Зачем ей эти сочувствующие взгляды и перешёптывания, если они ничего не могут изменить?

Женщина злилась, что люди, бо́льшую часть которых она не могла даже вспомнить, мешают осматривать окрестности.

Кольцо было на пальце. Эвелин предусмотрительно надела его перед выходом из дома. Один раз она поймала недоумевающий взгляд бывшей свекрови и коротко ответила: «Дочкино». Этого оказалось достаточно, чтобы не донимали вопросами.

Женщина то и дело оглядывалась по сторонам в надежде заметить маленькую фигурку, играющую где-нибудь поблизости.

«А вдруг она исчезнет, когда тело опустят в землю?» — от этой мысли на лбу выступила испарина. Эвелин побледнела, и одна из тётушек предложила нашатырный спирт. Она

вежливо отказалась.

Наконец, после завершения формальностей, сочувствующие начали подходить с дежурными фразами соболезнований и расходиться.

Сердце Эвелин тревожно колотилось. Она твёрдо решила не уходить, пока не увидит дочь.

— Эвелин, у меня ноги отказывают, пойдём к машине! — попросила мать.

За несколько дней она постарела лет на десять, как-то съежилась и стала маленькой старушкой.

— Ма, я ещё посижу. Можешь подождать в машине? Я хочу побыть с дочкой наедине, — ответила Эвелин, и мать, посчитав просьбу вполне объяснимой, мотнула головой в знак согласия.

Женщина поцеловала скорбящую дочь в лоб и прошептала ей на ухо:

— Оставайся сколько нужно и передай нашей крошке, чтобы она была хорошей девочкой.

Эвелин посмотрела на мать глазами, полными благодарности.

Двое не всегда ладили друг с другом. Нередко ссорились, но в вопросах материнства, стоит это признать, она была мудрой женщиной.

Оставшись одна, Эвелин посмотрела на кольцо:

— Ну же, мы теперь одни, давай действуй! Как ты это делало? — тихо обратилась она к кольцу.

В ответ Эвелин почувствовала лёгкий укол. Змея словно очнулась ото сна и обернулась вокруг пальца, чуть сдавив фалангу.

Мир снова откликнулся взрывом. В этот раз Эвелин обратила внимание на то, как замирали удаляющиеся фигуры людей в моменты, когда перекраивалась материя окружающего мира.

Трава стала зеленее, звуки ярче, свежим комьям земли будто добавили текстуры. «Похоже на обработанную фотографию в телефоне», — подумала женщина.

В следующий миг кладбище наполнилось десятками призраков.

Эвелин открыла рот от изумления. Она рассчитывала увидеть дочь, и совсем не подумала, что кладбище может быть местом обитания множества духов.

Ближе всех находилась девушка. Она прижимала к груди большой букет прозрачных роз. В реальном мире цветы давно иссохли и растеряли большую часть лепестков, но букет был узнаваем по необычному банту, которым были соединены розы: в руках призрака и на могильной плите.

Дальше двое: молодой мужчина и женщина в возрасте о чём-то спорили между собой. Он сидел на гранитном памятнике и кивал головой. Женщина яростно жестикулировала рукой, теряющейся на фоне зелёных кустов, указывая зачем-то вниз, на могилу под ним.

Чем дальше всматривалась Эвелин, тем больше вопросов

вызывало у неё открывшееся зрелище.

— Я могу видеть мёртвых? Вообще всех? — спрашивала она у кольца. — Но почему я их не слышу? Видно же, что они разговаривают.

Кольцо молчало.

Вопрос Эвелин был не случайным. Найди она дочь, надо будет многое ей сказать, но куда важнее, услышать, что скажет ребёнок. Вдруг ей страшно или одиноко.

— Где моя малышка? Она здесь? — женщина была близка к отчаянию.

Пару раз она увидела играющих детей-призраков, но то были чужие дети.

Как вдруг она ощутила спиной чей-то взгляд. Эвелин обернулась. Сзади в двух метрах от неё стояла дочь.

На этот раз девочка выглядела спокойной. Она застенчиво сложила руки перед собой и с улыбкой смотрела на мать.

Эвелин не могла поверить своим глазам. Она немало думала о том, могли ли это быть галлюцинация или какой-нибудь посттравматический бред. Но вот теперь её малышка стоит прямо перед ней с той же косичкой, заплетённой набок, как в день поездки, в той же одежде, и у неё не осталось сомнений: она видит то, что почти так же реально, как всё, к чему женщина привыкла. Нематериально, но реально!

Ей мучительно захотелось обнять ребёнка. Эвелин протянула руки вперёд, приглашая в свои объятия. Дочь сделала шаг вперёд и замерла. На лице матери отразилось недоуме-

ние. Девочка посмотрела куда-то за неё, заулыбалась и побежала мимо матери.

В пятидесяти метрах от неё играли всё те же дети, и её малышка присоединилась к общей возне. Они смеялись, но смех их не был слышен. Всё, что оставалось женщине, — смотреть, как радостно прыгает среди могил её дочь.

Когда кольцо остыло, видение стало блёкнуть, а потом вообще растворилось.

Эвелин словно очнулась от счастливого сна. Она направилась к выходу, где её должна была ждать машина. Недалеко от ворот её остановил мужчина. Он был ей незнаком, но по застиранной куртке casual и плохо сидящим брюкам, ей сразу подумалось, что это может быть служитель закона.

— Прошу прощения, миссис Вейл...

— Мисс, — поправила Эвелин.

— Мисс Вейл, примите мои искренние соболезнования.

Утрата ребёнка — самый тяжёлый...

— Кто вы и что хотели? — женщина не дала ему закончить, хватит с неё на сегодня «искренних» слов.

— Да, конечно, — стушевался тот, но протянул руку. — Инспектор Виктор Морроу, занимался расследованием происшествия с вашей машиной.

Эвелин не подала руки и непонимающе подняла брови:

— И? Мне сказали, что виновный найден и дело закрыто.

— Верно, я почти закончил с оформлением документов по делу, но у меня остался один вопрос, который не даёт мне

покою.

— Что за вопрос?

— Скажите, мисс Вейл, вы удочерили девочку?

— Что? — Эвелин с трудом сдержалась, чтоб не нагрубить.

— Я понимаю, что могу показаться бестактным...

— Да, вы бестактны, мистер как вас там...

— Морроу, мэм, — напомнил следователь.

— Она моя родная дочь, мистер Морроу, — отчеканила Эвелин.

— Хорошо, конечно, — согласился мужчина. — У меня почти нет причин сомневаться в ваших словах.

— Почти? Как вы смеете? — тут уж женщина взорвалась.

— Прошу вас, выслушайте меня, — следователь примирительно выставил руки вперёд.

— Что здесь происходит? — вмешалась в разговор мать Эвелин. Она увидела из машины, как разгневана дочь.

— Этот человек заявляет, что моя малышка приёмная! — надрывно крикнула Эвелин.

Пожилая женщина успокаивающе обняла дочь за плечи и велела идти к машине.

— Я разберусь с ним. Ступай! — твёрдо сказала она.

Эвелин вышла за ворота и громко хлопнула дверцей машины.

Она видела, как следователь говорит что-то её матери, а та внимательно слушает его, кивает, подносит руку к губам.

Отчего-то ей стало ужасно обидно из-за его слов. Как будто он решил отрезать от неё последний кусочек того, что ещё давало её ощущать себя матерью.

— Мерзавец! Я разберусь с ним позже, вот увидите! — грозила она кому-то, но смотрела при этом на саму себя в зеркало заднего вида.

У женщины в зеркале между двух наполненных яростью глаз, и нескольких не до конца заживших на лбу царапин, залегла вертикальная морщина. Почти такая же глубокая, как её одиночество.

Мать Эвелин вернулась в машину и, усевшись рядом, печально улыбнулась дочери:

— Всё в порядке, детка?

— Что ему было нужно? — задала она встречный вопрос. Женщина отмахнулась.

— Забудь. Он больше не беспокоит тебя.

Эвелин отвернулась к противоположному окну и стала вспоминать момент, когда её дочь стояла напротив неё и улыбалась. Больше всего ей хотелось бы остановить тот миг навсегда.

Она безотчётно теребила кольцо, думая о дочери. Кольцо спало.

После возвращения из больницы Эвелин поселилась у матери.

Она сомневалась, стоило ли ей переезжать из своей квартиры в центре в пригород. Больше всего ей не нравилась мысль о расставании с вещами ребёнка. Сидеть в уютной детской с обоями цыплячьего цвета, перебирая мягкие игрушки — вот всё, чего она желала.

На работе ей предоставили бессрочный отпуск, так что можно было вообще не покидать квартиру. Включать мультики на плеере и сутки напролёт погружаться в воспоминания, время от времени активируя кольцо, чтобы подсматривать за играми дочери.

Но мать Эвелин тяжело перенесла известие о смерти внучки. Женщине даже показалось, что мать стала слегка заговариваться. Она не могла оставить её в таком состоянии, как бы ей того не хотелось.

Дело усугублял тот факт, что в ту ночь, когда произошло ДТП, женщина с дочерью ехали к бабушке, по её настойчивой просьбе. У Эвелин как раз выдались два выходных дня, и она собралась в дорогу сразу после тяжёлого рабочего дня.

Миссис Вейл никак не могла себе простить своей настойчивости, а чувство вины, как известно, весьма разрушительная штука.

Поздно вечером, уложив мать в постель, дав ей предварительно успокоительное и поцеловав точно так же, как та делала это много лет назад, Эвелин поднялась на второй этаж, в свою бывшую детскую.

После рождения дочки, эта комната под крышей стала

прибежищем для маленькой мисс. На двери остался висеть рисунок розового сердца со словами, неровно выведенными детской рукой:

«Без конфет не входить!».

Эвелин села на краешек узкой кровати. В поздний час было слышно, как колотят по крыше кленовые ветки. Звук, знакомый с детства.

Спать не хотелось, хотя день был чудовищно долгим. Воспоминания о дочке и том, как она безмятежно бегала по кладбищу с другими детьми-призраками, и утешали, и вызвали странное чувство горечи.

Эта горечь поселилась сначала на языке, потом распространилась по всему телу, не давая чувствовать прежних эмоций при общении с людьми и привычный вкус еды. Горечь была буквально во всём, разъедающая, как жгучий перец, привязчивая, как запах чеснока.

Рассказать о том, что с ней происходит, Эвелин было некому. Не было такого человека, которому можно было бы сказать «я вижу свою мёртвую дочь» без страха заполучить клеймо психически больной.

Поэтому женщина решила вести дневник. Она и прежде имела такую привычку. Блокнот всегда лежал в сумке на случай, если эмоции надо будет срочно куда-то излить.

Последние несколько дней, пока шла подготовка к похоронам, Эвелин была слишком измотана и не открывала дневник. Она и сегодня надеялась сразу по возвращении прова-

литься в сон. Но увы, мысли роились в голове, как июльские мухи. «Всё этот мистер Морроу, будь он неладен!» — вспомнилась ей дневная встреча.

Эвелин решила сделать несколько пометок в дневнике, чтоб привести голову в порядок и успокоиться.

В сумочке чего только не было: целый ворох бумажных использованных платков, какие-то документы, свёрнутые вдвое (надо будет позже разобраться с ними), наличные деньги для непредвиденных расходов на кладбище...

Вот и дневник. Жёлтая обложка из мягкого кожзама — его выбрала дочка. Её любимый цвет.

Эвелин расположилась поудобнее на кровати и открыла дневник.

Наверху последней исписанной страницы стояло вчерашнее число.

«Что за ерунда? Я ничего не писала» — удивилась женщина и принялась читать.

«Здравствуй! Это я, Лилит. Я хочу предложить тебе сделку...»

Незнакомый текст был написан почерком Эвелин.